

А.К. Бабореко

Бунин о «Василии Теркине»

Бунин читал многое из того, что выходило в Москве. Восхищался Паустовским и поэмой Твардовского «Василий Теркин». 10 сентября 1947 года он писал Н. Телешову:

«Дорогой Николай Дмитриевич, я только что прочитал книгу А. Твардовского и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова! Возможно, что он останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за “Теркина”».

Вот что писал Л. Зуров 8 июля 1960 года о чтении Буниным «Василия Теркина»:

«В тот год Иван Алексеевич был болен, лежал в постели. Медленно терял силы, но голова его была на редкость ясна. Обычно я брал на просмотр новые повести, романы и сборники стихов в “Доме книги”. Мы были бедны. Покупать не могли. В “Доме книги” я увидел книгу Твардовского. Попросил ее одолжить на несколько дней. Начал читать ее в магазине, потом читал ее на бульваре Сен Жермен. Читал и в метро. Был в полном восхищении (а солдатскую жизнь я знаю). Вернувшись домой, я передал книгу Ивану Алексеевичу.

— Что это с вами? — спросил он. — Отчего вы пришли в необыкновенный восторг?

— Прочтите, Иван Алексеевич.

— Ерунда, — недоверчиво сказал он, махнув рукой.

Он устал от литературной тенденциозности и фальши; раскрывая книгу, обычно махал рукой:

— Посмотрю.

Через десять минут он позвал меня к себе и, приподнявшись, держа книгу в руках, воскликнул:

— Да что же это такое! Настоящие стихи! Он читал отрывки вслух и говорил:

— А здесь как сказано. Поэт! Настоящий поэт!

Иван Алексеевич был изумлен, обрадован, повеселел. Ему не терпелось, он хотел делать пометки, подчеркивать, но этого делать было нельзя — книгу я должен был через несколько дней возвратить.

— Молодец! Ведь это труднейшее дело, не так-то просто писать солдатским языком.

Он восхищался отдельными местами, читал, перечитывал. И мы с ним говорили о стихах Твардовского. Иван Алексеевич прекрасно знал народный язык, а я знал солдатскую жизнь.

— Настоящая поэзия, такая удача бывает редко. Какие переходы. Талантлив. Подлинный солдатский говор. А для поэта это самое трудное.

При соприкосновении с подлинным талантом Иван Алексеевич по-особенному радовался. Он обрадовался стихам Твардовского (а ведь сколько он прочитал за свою жизнь поддельных, головных и мертвых стихов. Он устал и от идущего по давно проторенным дорожкам изысканного стихоплетства).

— Не оценят, не поймут, — говорил он.

— Удивительная книга, а наши поэты ее не почувствуют, не поймут. Не поймут, в чем прелесть книги Твардовского. Да и откуда им знать? Разве они переживали что-либо подобное! Ведь они ни народа, ни солдатской речи не слышат. У них ослиное ухо. О русской жизни не знают и знать не хотят, замкнуты в своем мире, питаются друг другом и сами собою.

— Вот вы услышите, скажут: ну, что такое Твардовский. Да это частушка, нечто вроде солдатского раешника. А ведь его книга — настоящая поэзия и редкая удача! Эти стихи останутся. Меня обмануть нельзя.

И он читал лежа, смеялся, удивлялся легкости, предельной выразительности солдатского языка. Даже Вере Николаевне не дал этой книжки. После этого он написал Твардовскому. Книгу, которую прочел Иван Алексеевич, мне пришлось отвезти обратно».

Твардовский хотел послать письмо Бунину и книгу, запретил А. Фадеев, возглавлявший тогда Союз писателей, он был еще и членом ЦК, куда Александр Трифонович обратился за разрешением; хотел поблагодарить великого классика за отзыв о «Геркине».

Теперь все помнят: Бунин сказал:

«...Фадеев, который, кажется, не меньший мерзавец, чем Жданов».